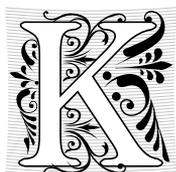

Исторический вестник. 2023. Т. XLVI

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.003

Д.Р. Жангиев

СИРИЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И РАЗВЕДКИ (1831–1840 гг.)

к началу XIX в. османская Сирия¹ уже неоднократно становилась объектом особого внимания российской внешней политики. Первым значительным проявлением военно-политических интересов Российской империи в отношении сирийских провинций Османской империи стали действия русского флота у сирийских берегов в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1773 г. русский десантный отряд, прибывший с эскадрой капитан-лейтенанта М. Кожухова, после успешной осады овладел Бейрутом и на протяжении нескольких месяцев занимал этот стратегически важный город. Действия русской эскадры и десантных войск проходили тогда при поддержке местных ополчений влиятельного палестинского шейха Дахира ал-Умара и эмира Горного Ливана Йусуфа Шихаба²,

¹ Историческое пространство Сирии (*араб.* Билад аш-Шам) приблизительно соответствует современным территориям Сирийской Арабской Республики, Иордании, Израиля, Палестины и Ливана, вместе взятым. К началу XIX в. на этой территории располагались четыре крупные провинции (эялеты) Османской империи — Дамаск (аш-Шам), Алеппо (Халеб), Сайда и Триполи (Тараблус).

² *Дахир ал-Умар аз-Зейдани* (ок. 1690–1775) — крупный арабский землевладелец в северной Палестине (Галилее), в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в союзе с фактическим правителем османского Египта Али-беом Будут Капаном

которые пожелали стать союзниками России и вступить под ее покровительство ради расширения своих владений³. Но в 1774 г. по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора русский флот покинул Восточное Средиземноморье, что не позволило сбыться этим честолюбивым надеждам.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. императрица Екатерина II и ее правительство готовили новую экспедицию русского флота в Средиземное море. В тайной дипломатической переписке с эмиром Горного Ливана Йусуфом Шихабом обсуждался переход его владений под российский протекторат в ходе возможного раздела османских владений и реализации «греческого проекта» Екатерины II. Но начавшаяся в 1788 г. война со Швецией не позволила перебросить силы Балтийского флота на Средиземное море⁴.

Первыми постоянными российскими представительствами в османской Сирии должны были стать консульство в Сайде и вице-консульства в Бейруте и Дамаске, учрежденные по повелению Екатерины II в 1785–1786 гг. Однако первые два из них были закрыты с началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а третье — в Дамаске — так и не успело тогда открыться. В последующие три десятилетия, вплоть до начала 30-х гг. XIX в., интерес российских властей к Сирии заметно ослабевает. Как в период союзнических отношений с Османской империей в 1799–1802 гг., так и в ходе Русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг. обстановка в сирийских эялетах находилась на периферии внимания российской дипломатии. Показателен тот факт, что даже в периоды военного союза с Высокой Портой⁵ в конце XVIII — начале XIX в. в сирий-

(1728–1773) выступил против османских властей в Сирии и через посредников наладил взаимодействие с командованием русского флота на Средиземном море.

Йусуф Шихаб (1748–1790) — представитель знатного ливанского рода Шихабов, правитель автономного эмирата Горный Ливан (с 1770 по 1789 г.) под османской властью.

³ Подробнее о действиях русского флота у берегов Сирии в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. см.: Кобищанов Т.Ю. Бейрут под российским правлением. Ч. 2. Осада и оккупация (1773–1774) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 16–33; Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 333–413.

⁴ Подробнее об этом см.: Кобищанов Т.Ю. Греческий проект Екатерины II и Сирия // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25.

⁵ Порта (также Высокая Порта, Блистательная Порта, от османско-турецкого «Баб-и Али» — Высокие врата) — принятое в европейской дипломатической традиции и публицистике наименование правительства Османской империи.

ских провинциях не было ни одного постоянного российского представительства, а защита интересов российских подданных, посещавших Святую землю, возлагалась на нештатных консульских агентов из числа проживавших в Сирии «левантинцев», которые находились в подчинении генерального консула России в Александрии⁶. Только в 1820 г. в связи с ростом числа русских паломников, прибывавших к берегам Святой земли, в Яффе было учреждено постоянное вице-консульство. Российские политические интересы в отношении османских владений в то время были традиционно сосредоточены на Балканах, чему в значительной степени способствовала греческая война за независимость 1821–1829 гг. Однако в 30-е гг. XIX в. ситуация существенным образом изменилась из-за Египетских кризисов 1831–1833 и 1839–1841 гг.

В 1831 г. могущественный и амбициозный наместник (*вали*) Египта Мухаммад Али-паша⁷ воспользовался в качестве предлога конфликтом с наместником соседнего Сайдского эялета Абдаллах-пашой и направил в Сирию армию под командованием своего старшего сына Ибрахим-паши. После взятия сильной крепости Акка и занятия Дамаска (1832 г.) Мухаммад Али-паша потребовал у султана Махмуда II (1808–1839) передать ему под управление все сирийские эялеты. В случае удовлетворения этих требований под властью Мухаммада Али оказалась бы обширная держава, включающая, помимо Египта и Сирии, ранее завоеванные им Аравию и Судан, а также о. Крит, полученный в качестве компенсации за участие египетских войск в подавлении греческого восстания. Несмотря на неудачу греческого похода войск Мухаммада Али-паши из-за вмешательства Великобритании, России и Франции в 1827 г., египетский наместник в начале 30-х гг. XIX в. располагал сильной 200-тысячной армией, обученной по европейским образцам, и сирийский поход был призван не только стать военно-политическим реваншем, но и создать условия для фактической независимости его государства под номинальным османским суверенитетом.

Мятеж Мухаммада Али-паши и особенно продвижение его войск из Сирии в Анатолию в 1832 г., создававшее прямую угрозу османской сто-

⁶ Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений / Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. С. 15. Левантинцы (фр. *Levantine*) — условное обозначение потомков выходцев из различных европейских стран (преимущественно Италии и Франции), постоянно проживавших в османских владениях и воспринявших многие черты местной культуры.

⁷ Мухаммад Али-паша (ок. 1769–1849) — видный османский государственный деятель албанского происхождения, наместник Египта в 1805–1848 гг.

лице, сделали Россию тактическим союзником ее вчерашнего противника — Османской империи. Как отмечал в этой связи генерал Николай Николаевич Муравьев⁸, направленный тогда императором Николаем I в качестве своего личного эmissара в Константинополь, «России нельзя было оставаться равнодушною зрительницею, — и ни в каком случае не следовало допускать восстания подданного против своего властелина»⁹. Оккупация сирийских эялетов войсками Ибрахим-паши (1832 г.) была воспринята в Санкт-Петербурге как основание для оказания дипломатического давления на Мухаммада Али-пашу, а наступление египетских войск через Анатолию в направлении Константинополя побудило Николая I направить русские войска для защиты османской столицы, султана и его правительства. Мотивы этого стратегического шага Николая I, предпринятого под легитимистским лозунгом защиты законного османского престола, весьма точно изложил в своих воспоминаниях Н.Н. Муравьев: «Завоевание Турции Мехмед-Али-пашою (...) могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание Султана на колеблющемся престоле его»¹⁰. Хотя сам Мухаммад Али-паша и отрицал обвинения в намерении свергнуть династию Османов, после разгрома османских войск в генеральном сражении при Конье в декабре 1832 г. было вполне очевидно, что египетский вали был способен как минимум подчинить султана и его правительство своему прямому влиянию и фактически подменить османскую власть своей собственной.

После прибытия эскадры Черноморского флота и десантных войск для защиты Константинополя генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев продолжал консультировать османское правительство по военным вопросам и передавать в Санкт-Петербург разведывательные донесения о дислокации войск Ибрахим-паши в Анатолии и Сирии, которая оказалась в то время в фокусе внимания российской дипломатии и военной разведки¹¹. Стратегическое значение сирийских провинций особенно рельефно проявилось в ходе кампаний 1832 и 1833 гг., когда через них

⁸ Николай Николаевич Муравьев (впоследствии — Муравьев-Карский (1794–1866)) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1853 г.). В 1832–1833 гг. в чине генерал-лейтенанта находился с военно-дипломатической миссией в Константинополе и Египте.

⁹ [Муравьев Н.Н.] Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. М., 1869. С. 31.

¹⁰ Там же. Т. III. С. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5303. Л. 42.

протянулись сухопутные коммуникации, связывавшие войска Ибрахим-паши с Египтом. В случае перерезания этих коммуникаций египетские войска в Анатолии оказались бы в стратегической «ловушке» за тысячу километров от своего источника снабжения на берегах Нила. Важно отметить, что в первые месяцы 1833 г. перспектива прямого столкновения русских и египетских войск в Анатолии выглядела вполне вероятной¹², а угроза возобновления военного конфликта между Мухаммадом Али-пашой и османским правительством сохранялась и в дальнейшем, несмотря на заключенное в мае 1833 г. перемирие. Этим объясняется то, что Н.Н. Муравьев во время пребывания в османской столице в 1833 г. составил подробное описание Сирии как возможного театра военных действий — с оценкой наиболее удобных маршрутов вторжения с моря (путем высадки десантов на побережье) и по суше, из Анатолии. В качестве оптимального, с военной точки зрения, пункта для высадки войск на сиро-ливанском побережье Н.Н. Муравьев рассматривал г. Тир, поскольку наступление со стороны Тира в обход Ливанских гор позволяло быстро перерезать коммуникации между Дамаском и Египтом¹³. Примечательно, что Н.Н. Муравьев отмечал не только важность проходящих через Сирию торговых путей, но и сакральное значение Святой земли. По его словам, «освобождение и охранение святых мест служило бы достаточною причиною к приобретению сей страны» одним из христианских «венценосцев»¹⁴. Религиозное обоснование интереса к Сирии как к возможному театру военных действий не было характерно для предшествующих десятилетий российской политики (в отличие от идеи оказания помощи православным единоверцам на Балканах), и его появление отражало новые перспективы активизации военно-дипломатической деятельности Российской империи в отношении османских владений.

После подписания Ункяр-Искелесийского договора¹⁵ в июне 1833 г. и завершения пребывания русских войск на берегах Босфора Николай I и его правительство были заинтересованы в подробной информации о по-

¹² Об этом, в частности, говорилось в записке генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и в переписке командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта барона Г.В. Розена. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5305. Л. 4; Д. 5309. Л. 1–15.

¹³ [Муравьев Н.Н.] Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. С. 81–83.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Ункяр-Искелесийский договор подписан в Константинополе 26 июня 1833 г. Получил название по местности Ункяр-Искелеси (на азиатском берегу Босфора), где располагался лагерь русских войск. Согласно договору между Россией и Османской империей устанавливались вечный мир и союзнические отношения.

Александр Осипович Дюгамель

ложении дел в Сирии, переданной, по условиям перемирия, под управление Мухаммада Али-паши. Н.Н. Муравьев лично не посещал сирийские эялеты, но после его возвращения в Россию интерес российской разведки к Сирии явным образом повысился. Сирия стала объектом особого внимания со стороны нового генерального консула России в Египте (резиденция — в Александрии), полковника А.О. Дюгамеля. Александр Осипович Дюгамель (1801–1880) происходил из дворян Лифляндской губернии, отличился в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и при подавлении восстания в Польше (1830–1831). Ко времени назначения на должность генерального консула полковник А.О. Дюгамель был опытным военным разведчиком, офицером Гвардейского Генерального штаба с блестящим послужным списком в военно-топографическом депо, военном отделении русской миссии в Константинополе, а затем в Главном штабе. В 1833 г. в ходе подготовки и проведения Босфорской экспедиции русских войск полковник А.О. Дюгамель состоял при генерале Н.Н. Муравьеве, успешно провел переговоры с Ибрахим-пашой, а затем продолжил службу в османской столице при главнокомандующем экспедиционным корпусом графе А.Ф. Орлове. После прибытия в Египет А.О. Дюгамель установил доверительные деловые отношения с Мухаммадом Али-пашой и в своих донесениях самым обстоятельным образом характеризовал состояние дел в обширных владениях непокорного османского наместника. В донесении посланнику в Константинополе А.П. Бутенёву 18 (30) сентября 1834 г. полковник Дюгамель отмечал те трудности, с которыми столкнулись египетские власти в Сирии: «Весьма ошибаются, если думают, что могущество Мехмета-Али усилилось благодаря этому приобретению. Я полагаю

совершенно противное; по моему мнению, он ослабил себя тем, что раскинул так широко свои владения, ибо Сирия только поглощает его солдат и деньги, так как только вооруженной силой может он держать в повиновении эту страну»¹⁶. Поездки А.О. Дюгамеля по Египту и Сирии позволяли ему лично оценить состояние государственного управления и вооруженных сил Мухаммада Али-паши, а также настроения среди различных групп местного населения. Российский разведчик и дипломат уделил особое внимание Сирии: прибыв весной 1836 г. из Египта в Бейрут морским путем, он объехал всю страну от Алеппо (Халеба) на севере до Иерусалима и Яффы на юге, после чего вернулся в Александрию. Понимая, что сирийские владения Мухаммада Али-паши в любой момент могут вновь стать театром военных действий в случае возобновления прямого военного противостояния между ним и центральным османским правительством (как это и произошло в дальнейшем, в 1839 г.), российский генеральный консул справедливо отмечал ту ненависть, которую среди жителей Сирии, Ливана и Палестины вызывали обременительные налоги и воинская повинность, которую местные мусульмане воспринимали как невиданное бедственное новшество¹⁷.

Летом следующего, 1837 г. А.О. Дюгамель по распоряжению Николая I покинул Египет для получения нового высокого назначения на должность посланника в Иране¹⁸. Не без сожаления он прощался с Мухаммадом Али-пашой, признавая его выдающиеся личные способности: «Между турками, особенно за последнее время, найдется много таких, которые в совершенстве усвоили себе знание иностранных языков и внешний лоск европейского просвещения, но ни одного из них нельзя назвать гениальным человеком, каким несомненно был Мехмет-Али. Все знают его довольно темное происхождение. Он не получил никакого образования, не умел вовсе писать и читал очень плохо; но у него было то, чего не может дать никакое образование, чуткость в делах, знание людей и ум способный ко всяким высшим соображениям. Он мог бы быть опорой Оттоманской Империи, если б султан сумел привлечь его к се-

¹⁶ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885 г. Вып. 4. С. 517.

¹⁷ Там же. С. 523–524.

¹⁸ После описываемых в данной статье событий А.О. Дюгамель продолжил успешную карьеру на военной службе, выполнял дипломатические миссии в Иране, затем в Молдавии и Валахии, в 1861 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири, дослужился до чина генерала от инфантерии (1861 г.), стал сенатором и членом Государственного совета.

бе»¹⁹. Во время высочайшей аудиенции в Санкт-Петербурге Николай I высоко оценивал заслуги полковника А.О. Дюгамеля и с особым интересом расспрашивал его о Сирии, интересуясь вопросом о том, может ли какая-либо из христианских держав установить прочный контроль над этой страной в случае нового масштабного политического кризиса и развала Османской империи. «Ведь коли Турция развалится, кому-нибудь из нас придется завладеть святыми местами, так как оставлять их в руках мусульман крайне неприлично»²⁰, — заметил при этом император. А.О. Дюгамель был вынужден вежливо возразить государю, отметив, что «христианская армия нашла бы слабую поддержку в Сирии, потому что мусульмане там в огромном большинстве и никогда не будут равнодушно смотреть на утверждение христиан в самом сердце Азии»²¹.

Внимание императора и Военного министерства к ситуации в подконтрольной Мухаммаду Али-паше Сирии в 30-е гг. XIX в., помимо сообщений А.О. Дюгамеля, также подкреплялось донесениями двух других военных разведчиков: подполковника Департамента Генерального штаба Военного министерства Петра Петровича Львова (р. 1802 г.)²² и капитана Генерального штаба Иосифа Францевича Дайнезе (1802–1873)²³. Описание Сирии²⁴, составленное П.П. Львовым по результатам его поездки по стране в 1833–1835 гг., представляет собой уникальный по степени подробности и точности документ, содержащий сведения о географии, населении, системе управления и экономике Большой Сирии. Также П.П. Львов представил в Департамент Генерального штаба составленную им по итогам разведывательной миссии «военно-расспросную карту» — вероятно, первое в российской картографии подробное изображение Сирии, выполненное на основе глазомерной съемки маршрутов²⁵.

¹⁹ Там же. С. 525.

²⁰ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885 г. Вып. 5. С. 83.

²¹ Там же.

²² Подробнее о нем см.: Рыженков М.Р. Русский офицер в Сирии // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991. С. 173–177.

²³ Иосиф Францевич Дайнезе (итал. Dainese) происходил из итальянских дворян, поступил на российскую службу в 1817 г., приняв русское подданство. В 1847 г. был произведен в генерал-майоры, утвержден в потомственном дворянском достоинстве.

²⁴ [Львов П.П.] Сирия // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991. С. 182–233.

²⁵ До этого в распоряжении Генерального штаба были только иностранные географические описания и карты ближневосточных арабских владений Османской империи.

Что же касается поездки другого российского военного разведчика, капитана Лейб-гвардии Павловского полка и адъютанта генерал-квартирмейстера Действующей армии И.Ф. Дайнезе, совершенной в 1838 г., то ее итогом стал сохранившийся в Российском государственном военно-историческом архиве «Доклад о Сирии в 1838 г.» («Memoire sur la Syrie en 1838») на французском языке. Капитан И.Ф. Дайнезе в своем докладе сосредоточивал внимание на дислокации войск Мухаммада Али-паши в Сирии и уровне их боеспособности, а также оценивал отношение жителей Сирии к египетским властям и вероятность восстаний, вызванных налоговым гнетом и рекрутскими наборами²⁶.

Ко времени поездки И.Ф. Дайнезе в Сирию (1838 г.) обстановка в стране существенным образом обострялась на протяжении уже нескольких лет из-за рекрутских наборов в египетскую армию, проводившихся сераскиром (главнокомандующим) Ибрахим-пашой среди местного мусульманского населения. Согласно докладу Дайнезе с 1834 по 1836 г. в войска Мухаммада Али-паши было призвано 25 тыс. жителей Сирии, Ливана и Палестины, осенью 1836 г. было принято решение о дополнительном наборе из расчета 15 чел. из каждой сотни мужчин призывного возраста, что позволило набрать еще 18 тыс. человек. В январе 1838 г. наборы в египетскую армию были продолжены²⁷, что воспринималось местными жителями как наихудшее бедствие. Его масштабы можно оценить с учетом того, что все население сирийских эялетов в 30-е гг. XIX в. едва ли превышало 1 млн 200 тыс. человек²⁸. Подполковник П.П. Львов следующим образом описывал стандартную процедуру призыва сирийских мусульман в египетскую армию: «Начальник города или округа, имея повеление об рекрутском наборе, весьма часто без определенного числа людей, выжидает или праздников, или торговых дней и потом, запирая мечети и городские ворота, силою захватывает годную для военной службы молодежь; выкуп зависит единственно от его произвола, и беднейшие семьи часто теряют трех и четырех взрослых работников»²⁹.

Массовое общественное недовольство воинскими наборами, тяжелыми налогами и финансовыми злоупотреблениями, которые, по выражению П.П. Львова, выражали «своеволие безусловной власти,

²⁶ РГВИА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 55. Л. 16–24.

²⁷ Там же. Л. 15–16.

²⁸ [Львов П.П.] Сирия. С. 215.

²⁹ Там же.

Иосиф Францевич Дайнезе

направленное к средствам разорения края»³⁰, неоднократно приводило к вооруженным выступлениям против египетских властей в сельских районах Сирии — Хауране (к югу от Дамаска), Палестине, Джэбэль-Ансарие (на северо-западе страны), а также в Горном Ливане. Жестоко подавляя выступления и разоружая местных жителей, войска Ибрахим-паши сохраняли контроль над крупными городами и коммуникациями между ними, но стабилизировать обстановку в Сирии в целом им не удавалось. В связи с этим внимание российских разведчиков, посещавших Сирию в 30-е гг. XIX в., сосредоточивалось на двух основных темах: маршрутах для наступления в Сирию (как с севера, из Анатолии, так и от побережья Средиземного моря) и отношении населения Сирии к египетским оккупационным войскам.

В Санкт-Петербурге вполне оправданно рассматривали сирийские провинции в качестве театра военных действий в ходе будущего нового конфликта между султанским правительством и непокорным наместником Египта. Вместе с тем с учетом растущего интереса к Сирии также со стороны Великобритании и Франции и активизации прозелитической деятельности католических и протестантских миссионеров Николай I стал уделять особое внимание задаче оказания помощи и покровительства православным христианским общинам сирийских провинций. Император живо реагировал на поступавшие в Санкт-Петербург просьбы о помощи со стороны Иерусалимского и Антиохийского православных патриархов в вопросах сохранения контроля

³⁰ Там же.

православных церквей над Святыми местами и противодействия попыткам греко-католиков (униатов) склонить православную паству к переходу в унию с Римско-католической церковью. В целях более эффективного противодействия католической и протестантской пропаганде императору и Священному синоду требовалось более оперативно получать достоверные сведения из Сирии через компетентного и энергичного консульского представителя. В этих целях в 1839 г. по предложению посланника в Константинополе А.П. Бутенева и генерального консула в Александрии графа А.И. Медема в Бейруте было учреждено российское консульство³¹, которое возглавил выдающийся российский востоковед, дипломат и литератор греческого происхождения Константин Михайлович Базили (1809–1884)³². Он родился и провел детство в Константинополе, откуда впоследствии его семья переехала в Россию. Получив образование в знаменитой Нежинской гимназии и Ришельевском лицее в Одессе, Константин Михайлович Базили дружил с Н.В. Гоголем и ко времени назначения на должность консула в Бейруте проявил неординарные литературные способности как автор произведений «Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах», «Очерки Константинополя» (1835 г.), «Босфор и новые очерки Константинополя» (1836 г.). Наиболее значительным трудом К.М. Базили, научная ценность которого сохраняется и поныне, стала «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях», впервые изданная в Одессе в 1862 г.

Хотя главными официальными задачами российского консула в Бейруте были отстаивание интересов православных общин Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, а также обеспечение безопасного проезда русских паломников к Святым местам, круг его внимания в Сирии этим, разумеется, не ограничивался, особенно с учетом политической обстановки. К.М. Базили довелось наблюдать в 1839–1840 гг. новую фазу военного конфликта между Мухаммадом Али-пашой и османским правительством (Второй египетский кризис), начавшуюся с пораже-

³¹ С 1820 по 1839 г. единственным консульским представительством России в Сирии был вице-консул в Яффе, подчинявшийся генеральному консулу в Александрии. Об истории российской консульской службы в Сирии в первой половине XIX в. подробнее см.: *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений / Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. С. 13–30.

³² Подробнее о жизни и творчестве К.М. Базили см.: *Смилянская И.М.* К.М. Базили — российский дипломат и историк Сирии // *Очерки по истории русского востоковедения.* Т. IV. М., 1959. С. 52–78.

Константин Михайлович Базили

ния правительственной армии в сражении при Незибе (июнь 1839 г.) и завершившуюся осенью 1840 г. британской военной интервенцией³³ и капитуляцией Мухаммада Али на условиях вывода египетских войск из Сирии, Анатолии и Аравии. Российский консул оставил подробное описание и глубокий анализ событий Второго египетского кризиса (1839–1841) в целом, в том числе мотивации и замыслов Мухаммада Али-паши, британского и османского правительств. Важно отметить, что в числе причин британской интервенции, официальной целью которой считалось сокрушение военной мощи мятежного египетского наместника и возвращение Сирии под прямое управление султанских властей, К.М. Базили вполне обоснованно отмечал стратегические интересы Великобритании на морских торговых путях между Индией и Восточным Средиземноморьем: «С некоторых лет Англия с беспокойством смотрела на возрастающую силу Мухаммеда Али, владетеля Египта и Сирии, куда пролегают оба ближайшие ее пути в Индию. Она подозревала проекты его на Красное море и на острова Персидского залива. Она домогалась уничтожения паши и изгнания его из Сирии»³⁴.

³³ Интервенция британского флота и десантных войск, действовавших в Сирии совместно с османскими войсками, была предпринята в 1840 г. на основе совместного решения четырех великих держав (России, Великобритании, Австрии и Пруссии) и Османской империи, закрепленного в Лондонской конвенции 3 (15) июля 1840 г. Главной целью военных действий против Мухаммеда Али-паши было принуждение его к эвакуации египетских войск из Сирии (включая Ливан и Палестину) и возвращение сирийских провинций под прямое управление султанского правительства.

³⁴ Базили К.М. *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях*. М.: Мосты культуры, 2007. С. 244.

Бомбардировка Акки 3 ноября 1840 г. Художник Джеймс Кеннет Уилсон

В 30-е гг. XIX в. и особенно в ходе Второго египетского кризиса (1839–1841) стратегическое значение Большой Сирии (включая Ливан и Палестину) повысилось и стало объектом пристального внимания России и других европейских великих держав. Официальный Санкт-Петербург с 1833 г. проводил политику поддержки суверенитета Османской империи в конфликте Высокой Порты и Мухаммада Али-паши, полагая, что возвращение Сирии под власть султана представляет собой наилучшее решение в целях сохранения статус-кво. В случае же развития событий по «катастрофическому» сценарию (развал Османской империи под ударами Мухаммада Али-паши) Николай I допускал возможность направления войск в Сирию под лозунгом защиты местных православных христиан в целях недопущения аналогичных односторонних действий Великобритании и Франции. Активизация контактов с православными общинами Сирии и противодействие западному прозелитизму в связи с этим были заявлены как новое направление российской внешней политики на длительную перспективу. Направление в сирийские провинции Османской империи опытных российских разведчиков и дипломатов не только способствовало решению указанных задач, но и положило начало научному изучению Сирии в российском практическом востоковедении.

REFERENCES

1. *Kobishchanov T.Yu.* Bejrut pod rossijskim pravleniem. Chast 2. Osada i okkupaciya (1773–1774) [Beirut under Russian rule. Part 2. Siege and Occupation (1773–1774)] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya [RUDN Journal of World History. Series: Universal History]. 2019. T. 11. № 1. S. 16–33.
2. *Kobishchanov T.Yu.* Grecheskij proekt Ekateriny II i Siriya [The Greek project of Catherine II and Syria] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies]. 2017. № 2. S. 3–25.
3. *Panchenko K.A.* Blizhnevostochnoe Pravoslaviye pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya. 1516–1831 [The Middle Eastern Greek Orthodox Community under the Ottoman Domination. The First Three Centuries. 1516–1831]. M.: Indrik, 2012.
4. *Ryzhenkov M.R.* Russkiy oficer v Sirii [Russian officer in Syria] // Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX v. [Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, Consular and Military Reviews of the first half of the 19th century]. M.: Nauka, 1991. S. 168–181.
5. Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX v. [Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, Consular and Military Reviews of the first half of the 19th century]. M.: Nauka, 1991.
6. *Smilyanskaya I.M. K.M.* Bazili — rossiyskiy diplomat i istorik Sirii [K.M. Bazili — the Russian Diplomat and Historian of Syria] // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya [Essays on the history of Russian Oriental studies]. T. IV. Moscow, 1959. S. 52–78.
7. *Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B.* Rossiya v Sredizemnomor'e. Arhipelagskaya ekspediciya Ekateriny Velikoy [Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great]. M.: Indrik, 2011.

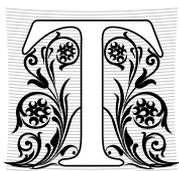
8. *Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M.* Siriya nakanune i v period Mladotureckoj revolyucii. Po materialam konsul'skih donesenij / Institut vostokovedeniya RAN [Syria on the eve and during the Young Turk Revolution. Based on the materials of consular reports / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. M.: Indrik, 2015.
9. *Yakushev M.I.* Antiohijskij i Ierusalimskij patriarhaty i politika Rossijskoj imperii 1830-e – nachalo XX veka [The Antioch and Jerusalem Patriarchates in the policy of the Russian Empire. 1830s – early XX century]. M.: Indrik, 2013.
10. *Zhantiev D.R.* Traditsiya i modernizatsiya na Arabskom Vostoke: reformy v siriyskikh provintsiyakh Osmanskoy imperii (konets XVIII – nachalo XX v.) [Tradition and Modernization in the Arab East: Reforms in the Syrian provinces of the Ottoman Empire (the end of XVIII – beginning of XX century)]. M.: Izdatel'skij centr ISAA pri MGU, 1998.

Ключевые слова:

Сирия, Османская империя, Россия, Мухаммад Али-паша, Египет,
Восточный вопрос.

Dmitriy R. Zhantiev

SYRIAN PROVINCES OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE FOCUS OF RUSSIAN DIPLOMACY AND INTELLIGENCE (1831–1840)

The article deals with the activities of Russian military intelligence officers and diplomats in the Syrian provinces of the Ottoman Empire during the occupation of Ottoman Syria by the troops of the Egyptian governor Muhammad Ali Pasha (1831–1840). The focus of the study is trips to Syria in the 1830s. made by Russian Consul General in Egypt A.O. Dugamel, Colonel P.P. Lvov, Captain I.O. Dainese, as well as the early period of activity of the Russian Consul in Beirut K.M. Bazili. The information they provided on the situation in Syria indicates that Emperor Nicholas I and the government of the Russian Empire paid close attention to the Syrian provinces of the Ottoman Empire and attached great strategic importance to Syria. In the event of the collapse of the Ottoman Empire under the blows of Muhammad Ali Pasha's army, Nicholas I admitted the possibility of sending troops to Syria under the slogan of protecting local Orthodox Christians to prevent similar unilateral actions by Great Britain and France. This plan was worked out until the end of the Second Egyptian Crisis (1839–1841) and the return of Syria under the rule of the Ottoman government. In addition, sending experienced Russian intelligence officers and diplomats to the Syrian provinces of the Ottoman Empire on important missions marked the beginning of the scientific study of Syria in Russian practical oriental studies.

Key Words: Syria, Ottoman Empire, Russia, Muhammad Ali Pasha, Egypt, Eastern Question.

Dmitriy R. Zhantiev — Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Дмитрий Рустемович Жантиев

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова